

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ АЛЕКСЕЯ ИВАНОВИЧА КУРЕНЦОВА
A.I. Kurentsov's Annual Memorial Meetings

2020

вып. XXXI

<https://doi.org/10.25221/kurentzov.31.1>
<http://zoobank.org/References/F98283DE-6725-4C01-981B-EA41FA20D622>

**АМУРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ НЕМЕЦКОГО ЭНТОМОЛОГА И
ПУТЕШЕСТВЕННИКА БОДО ФОН БОДЕМЕЙЕРА (1912 г.)**

Е.В. Новомодный¹, А.Н. Стрельцов²

¹ Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, г. Хабаровск
E-mail: evgenov@mail.ru

² Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург
E-mail: streltsov@mail.ru

Авторы публикации делятся собранной ими информацией о происхождении и жизненном пути выдающегося немецкого колеоптеролога-путешественника Бодо фон Бодемейера (1883–1929) – торговца энтомологическими коллекциями из Берлина. Кратко описав его исследовательские поездки по разным частям Палеарктики, они более подробно рассматривают полузабытую экспедицию 1912 г. в Среднее Приамурье. В приложении, в переводе с немецкого языка приводится отрывок из выпущенной Б. фон Бодемейером в 1928 г. брошюры с описанием поездки, которые позволяют оценить литературный стиль и сведения, до настоящего времени не утратившие научной ценности.

За два десятилетия, посвященных изучению истории энтомологических исследований на Дальнем Востоке, мы невольно, не ставя такой цели, были вынуждены рассматривать деятельность одних лепидоптерологов. В случаях, когда они собирали не только чешуекрылых, но и жесткокрылых, видимо это занятие рассматривалось ими самими как нечто второстепенное, за славой они не гнались. Небольшое по сравнению с бабочками количество названных в их честь жуков этому свидетельство. Кому же в таком случае доставалось благорасположение колеоптерологов-систематиков прошлого? Оказалось – посредником: энергичным и финансово обеспеченным любителям высокого уровня, которые осуществляли первичную аккумуляцию амурского материала в своих коллекциях. На этот феномен мы обратили внимание только недавно, на примере гамбургского предпринимателя Вильгельма Кольтце (Koltze, Wilhelm; 1839–

1914) (Куберская, Новомодный, 2019). Сейчас лишь косвенно мы сможем оценить то громадное число жуков, прошедших через его руки. Так, согласно сводному указателю латинских названий дальневосточных насекомых эпонимы «*koltzei*» носят 24 таксона жесткокрылых фауны Дальнего Востока! Полевым сборщикам досталось заметно меньше почета: «*raddei*» – 11, «*christophi*» – 6, «*korbi*», «*korbianus*» и «*rosinae*» вместе, как одна семья – 5, «*graeseri*» – 4, «*maacki*» – 3, «*dieckmanni*», «*jankovskii*» – по 2, «*maximoviczi*», «*schrencki*», «*dybovskii*», «*przewalskii*» – по 1, а «*goschkewitschii*», «*doerriesi*», «*moltrechti*» – нет совсем (Лелей и др., 2011).

В летописи региональной энтомологии по-настоящему целеустремленные колеоптеролюбители встречались единично, поэтому нам пока удалось рассказать лишь о военнопленном Первой мировой войны, австрийце Карле Мандле (Mandl, Karl; 1891–1989), который оказался здесь далеко не по своей воле, но как истинный исследователь, даже находясь в несвободном, униженном положении, сумел найти себе достойное применение (Новомодный, 2018).

В данном сообщении речь пойдет о другом специализировавшемся на изучении жесткокрылых немецком энтомологе – дворянине Бодо фон Бодемейере (von Bodemeyer, Wilhelm Eduard Leopold Bodo), который родился 21 сентября 1883 г. в г. Фрайбург-им-Брайсгау на Верхнем Рейне, земля Баден-Вюртемберг, лежащем в 60 км к северу от швейцарского г. Базель. Особенно заинтриговало нас то обстоятельство, что колеоптерологами являлись последовательно три поколения Бодемейеров – не так часто встречающаяся преемственность среди энтомологов (Heikertinger, 1930; Meissener, 1930). Она – свидетельство их успеха. Зная из старых публикаций о его работе на Амуре в 1912 г., мы долго не могли получить для изучения уникальное издание – девяностостраничную брошюру, в которой путешественник подробно описал свою поездку (Bodemeyer, [1928]). Лишь недавно одному из нас это удалось.

Отец Бодо, Эдуард фон Бодемейер (von Bodemeyer, August Rudolf Eduard; 1854–1918) еще с детства, проведенного в местечке Райндёрфель ([Reindörfel, ныне с. Нешкув – Nieszków], в 46 км от Кракова, на территории прусской части Силезии), в компании своих друзей и ровесников с большим увлечением занимался энтомологическими сборами. В те времена среди детворы это было массовым поветрием (Bodemeyer, 1928a). Но он вовсе не являлся самоучкой, ведь им руководил другой Эдуард – его отец (von Bodemeyer-Heinrichau, Georg Hieronymus Eduard; 1823-1888), который служил инспектором казенных имений (земельных владений) Великого герцогства Саксонского (Саксен-Веймар-Эйзенахского), а в свободное время, начиная с 1850 г. занимался коллекционированием жуков, являясь членом Немецкого энтомологического общества. Да разве можно было в то время обойтись без этого? Интересно, что он дружил с другим местным любителем насекомых, евангелическим пастором Густавом Штандфуссом (Standfuss, Albert Robert Gustav; 1815–1897), отцом знаменитого лепидоптеролога-экспериментатора, профессора Макса Штандфусса (Standfuss, Maximilian Rudolph; 1854–1917). По результатам своей поездки в Южную Венгрию патриарх семейства опубликовал единственную известную нам фаунистическую работу (Bodemeyer-Heinrichau, 1881).

По окончании классической прусской гимназии, его сын Эдуард поступил в 1872 г. в герцогский пехотный полк и прослужил там 24 года, на это время полностью отказав себе в любимом занятии. Не удивительно, что уйдя в отставку в звании гауптмана (капитана), в 1897 г. он снова к нему вернулся. Проживая в г. Веймар и Фрайбург-им-Брайсгау, Бодемейер-старший существенно дополнил унаследованную им от отца коллекцию жуков – в основном благодаря успешной в научном и коммерческом плане исследовательской поездке на Анатолийский полуостров (в малоазиатскую часть нынешней Турции) в 1899 г., где как раз в то время немецкие фирмы строили сеть железных дорог. Не упустив столь благоприятно сложившиеся обстоятельства, он привез оттуда около 60.000 экз. жесткокрылых насекомых (Reitter, 1918; Bodemeyer, 1928e; Heikertinger, 1930).

Многочисленные рекламные сообщения в энтомологической периодике и книга о путешествии на Ближний Восток: «Quer durch Klein-Asien in den Bulghar-Dagh» (Bodemeyer, 1900) принесли ему европейскую славу и сделали известным энтомологом. Дело в том, что в эту монографию он включил большой раздел «Coleopterologisches» («Колеоптерологическое»: с. 93–169), где не только раскрыл техническую сторону организации сборов и поместил каталог добытых видов, но и любезно предоставил место для публикации своим хорошим знакомым – ведущим жуковедам: М. Бернхауэру, Ж. Буржуа, Э. Бренске, Л. Гангльбауэру, М. Пику, Э. Райтгеру и Ю. Вайзе. Конечно, они не остались в долгу, и буквально разразились тут диагнозами новых таксонов видового ранга, описанных по его материалам! Многолетние дружеские отношения связывали Эдуарда фон Бодемейера и с другими выдающимися колеоптерологами того времени: Г. Краатцем, В. Рёшке, К. Альвардтом, К. Даниэлем, А. Фиори, Г. Кольбе, доктором В. Хорном и другими. Из числа русских коллекционеров такими являлись энтомолог-любитель из Москвы Александр Павлович Золотарёв (1866–1924) и всемирно известный выдающийся энтомолог и зоогеограф А.П. Семёнов-Тян-Шанский (1866–1942). Основной заслугой Бодемейера-отца перед колеоптерологией стало не столько большое количество пойманных, в значительной степени еще неизвестных науке видов, сколько получение им строгих доказательств родства анатолийской фауны с европейской (Bodemeyer, 1928e). В 1903 г. он снова съездил туда, однако тяжелое заболевание сердца заставило его прекратить путешествия. Начиная с 1906 г. он лишь финансировал других энтомологов, которые работали для него в Центральной Азии, Персии, Бухаре и других местах. Немного позже в путешествия стал отправляться его сын. Кроме вышеуказанной книги, Э. фон Бодемейер написал три систематико-фаунистических работы, в том числе о жуках, привезенных Бодо с Амура (Bodemeyer, 1906, 1915a, 1915b). Он умер от инфаркта в ноябре 1918 г. Большая часть его крупной личной коллекции сейчас распределена между Зоологическим музеем Берлинского университета им. Гумбольдта (Humboldt-Universität zu Berlin) и Немецким энтомологическим институтом (Deutsches Entomologisches Institut, DEI) в г. Мюнхенберг (Heikertinger, 1930; Horn et al., 1990).

После гимназии его сын, Бодо фон Бодемейер в университетах Мюнхена и Тюбингена обучался по специальности «лесоводство» (защищал ли диплом – нам неизвестно), хотя впоследствии целиком сосредоточился на полевых исследованиях жесткокрылых. До Первой мировой войны он успел совершить несколько длительных собирательских поездок: в Турцию, на Амур, в Тунис и Персию (Иран). Следуя отцовскому примеру, более десяти лет спустя (по-видимому, этому сильно помешали катаклизмы мировой войны, революции и гиперинфляция), он выпустил описание своих вояжей под общим заголовком «Über meine Entomologischen Reisen nach Kleinasien (1911), Ost-Sibirien, Schilka und Amur (1912), Tunis, Oasis Gafsa, Khroumerie (1913) und Iran, das Elburs-Gebirge (1914)». Труд суммарным объемом 350 страниц издавался в виде серии брошюр (томов), однако в каждом была принята своя пагинация. В качестве даты выпуска везде указан 1927-й год, однако их рецензенты – современники события – засвидетельствовали, что печатались они не одновременно, а в 1927–1930 гг. Кроме того, нидерландская исследовательница Энн Троелстра, сообщает, что в 1926–1929 гг. текст первых трех томов также публиковался мелкими частями в рекламном приложении «Insektenbörse» (Troelstra, 2016).

Известно, что во всех поездках Б. фон Бодемейер предпочитал заниматься отловом жуков, но иногда добывал крупных чешуекрылых, двукрылых и перепончатокрылых, скорпионов, летучих мышей, рептилий и амфибий. В своей монографии он всегда дает точную информацию о местах и методах коллекционирования, приводит обширные списки собранных видов; местами встречаются даже описания новых таксонов. В целом, это выдержанный в хорошем темпе повествования путевой дневник, описывающий впечатления автора от поездки, работы, встреч с людьми, местных обычаев и многого другого. Для современного читателя здесь дается интереснейший экскурс в историю. По Турции он путешествовал придерживаясь маршрутов отца – они диктовались близостью железнодорожной линии. Трудностей было немного – лишь однажды угодил в карантин из-за вспышки холеры. О путешествии в Тунис, в оазис Гафса в центре страны и Хрумир – гористый и влажный лесной район на северо-западе страны, Бодо писал, что в оазисе он неожиданно столкнулся с конкурентом в лице другого коллекционера, по имени Эммерих, который пытался подкупить его слугу Хамида, чтобы иметь возможность самому предварительно просматривать материал, собранной им для хозяина. К счастью, все закончилось миром. На время путешествия в северо-иранские горы Эльбурс его спутником стал некий Август Цверг, по духу не столько ловец животных, сколько искатель приключений. В самый разгар полевых работ Бодемейер-младший вдруг узнал, что расквартированные в Персии русские армейские части в связи с приближением войны перебрасываются к границе Восточной Пруссии. Ему, однако, удалось вовремя покинуть страну, чтобы через Россию успеть вернуться домой. Вот только в спешке он вынужден был оставить на милость судьбы все свое оборудование. Обзор трех отсутствующих в нашем распоряжении томов-брошюр всецело основан на информации, почерпнутой из ценной, недавно опубликованной библиографии естественноисторических путешествий (Troelstra, 2016).

Экспедиция на Шилку и Амур – в Восточную Сибирь, как ее понимали немцы, состоялась в экономически благополучном и мирном 1912 г. В отзыве на брошюру с ее описанием профессор-колеоптеролог Герман Кольбе (Kolbe, Hermann Julius; 1855–1939), указал, что в действительности годом ее издания является 1928. По его мнению, публикация очень удачна: «Живо написанный рассказ о путевых впечатлениях и приключениях стоит того, чтобы его прочитать: мы знакомимся с личностями попутчиков и дорожными приключениями. Такие сообщения являются источником сведений для других путешественников, отправляющихся в дальние страны. Много места уделяется методам работы отловщиков, которую этот опытный человек умел организовать. Применяемые для сбора жуков приемы представляются для того времени образцовыми. Так, уже были задействованы ловчие ямы, разнообразные приманки. Автор показывает себя очень успешным и знающим коллекционером, приводит качественные и количественные характеристики сборов, списки видового состава тех или иных местообитаний насекомых; по-видимому, в большинстве случаев их определением занимались энтомологи – узкие специалисты. В качестве дополнения приведены фенологические и биологические сведения по отдельным видам. Я могу смело рекомендовать путешественникам, любителям природы, энтомологам и коллекционерам насекомых купить сей путеводитель автора» (Kolbe, 1929).

Действительно, отправляясь в дальнюю и длительную экспедицию, на полный сезон, Бодо проконсультировался с отцом и своими друзьями, берлинскими учеными колеоптерологами, и серьезно, с запасом экипировался. Финансами его в значительной степени обеспечил дядя по матери. Но вразумительного ответа на самый тревоживший его вопрос о дате прихода весны в Приамурье он так и не получил, поэтому ориентировался по Европе и поехал 1 марта. В Москве ему тоже ничего не смогли сказать на этот счет, и лишь 15 марта, доехав при минус 36 °С до г. Сретенск на р. Шилка он узнал горькую правду: весна здесь начнется не раньше первых чисел апреля, а пароходы пойдут в начале мая. Пришлось ждать, пока снег не растает, тратя на дорогое проживание немалые, вовсе не предназначенные для этого деньги. Тяжкое времяпрепровождение для любого исследователя-энтомолога. Однако и здесь, на солнечных припеках среди снега (на откосах железнодорожной насыпи и на южных склонах близлежащих сопок), в середине апреля он обнаружил скопления и организовал при помощи нанятых им людей массовый сбор зимующих божьих коровок и жужелиц *Scambocarabus Krüberi* Fischer, а дома разводил летних жуков, таких как щелкун *Adelocera*, чернотелка *Upis* и златка *Sphenoptera*.

У систематиков до сих пор имеются проблемы с установлением точного места сбора типовых экземпляров, происходящих из коллекции Бодо фон Бодемейера. Например, местная невысокая гора (в Сибири – «сопка») как только не называлась на этикетках его сборов: «Schipka-Gora», «Sorka-Gora», «Schipka-Gora [Shilka Gora]», «Schipka-Gora [Shilka River in Zabaikalskii krai] (Bernhauer, 1914; Döbler, 1982; Schillhammer, 2000; Гильденков, 2016). Нам понятно, откуда взялись «Шилка» и «сопка», но «Шипка»? Рискнем предположить, что когда сборщики гурьбой, с трудом карабкались на нее, местами еще заснеженную и

обледеневшую, в качестве метафоры ей дали имя «Шипка» в честь легендарной болгарской вершины. Возможно также, что так однотипно им были названы совершенно разные хребты или их высшие точки где-то в окрестностях Сретенска, расположенного на обоих берегах р. Шилка, потому что Эдуард фон Бодемейер (отец) рассматривал их каждую в отдельности (Bodemeyer, 1915a). Его «Стретенск» вместо современного «Сретенск» – не ошибка, так как раньше все русские знали о том, что это название есть церковный вариант слова «встретить». Можно предположить, что географических карт Бодо не имел, а звуки чужого языка воспринимал без слух по-своему, и записывал их в блокнот как носитель немецкого языка.

Его томительное ожидание начала навигации закончилось 6 мая, когда на пароходе «Цесаревич», в составе разноликого контингента пассажиров он отправился вниз по Амуру. В Благовещенск пришли только 16 мая, так сильно тормозил движение еще продолжавшийся ледоход. Вечером 20 мая немецкий энтомолог прибыл в Радде. О первых днях жизни в казачьей станице рассказывается в помещенном в конце статьи десятистраничном отрывке из его публикации (Bodemeyer, [1928]). Удивительно, как скоро он стал известен жителям в этом совершенно незнакомом ему районе и легко адаптировался к своему окружению. Местному населению из развешенной везде рекламы была известна цель его пребывания. Вскоре возникли целые компании сборщиков, которые после соответствующего инструктажа целенаправленно искали для него жуков в окрестностях Радде. Каждый день, вечером, возвращавшиеся из леса люди приходили к нему домой, где их вознаграждали за количество и качество собранного. Бодо выступал в качестве справедливого оценщика и закупщика, так как сказать, что платил копейки нельзя, в некоторых случаях жук стоил рубль. Но когда несли все одно и то же, без разнообразия и в массе, мог совсем отказаться это покупать. Тем не менее, сборщики приносили в основном крупных жуков, сотни бронзовок, а позднее, в июне и июле, хрущей, жуков-олений, но особенно многочисленными были виды жужелиц рода *Carabus*, которых люди в некоторые дни собирали сотнями. Именно они были страстью, слабостью Бодемейера-младшего. Но, в общем, он ни от чего не отказывался, а за редкостные экземпляры ценных и красивых видов всегда вознаграждал особо. Подобную процедуру он настоятельно рекомендовал проводить во всех случаях, когда практикуется коллективный сбор материала.

Весьма интересны описанные им методы сбора жуков на различные приманки. Каждый вид мертвоедов, стафилинов и копрофагов предпочитал один сорт пищи. Значительные успехи были достигнуты в сборе щелкунов, златок, долгоносиков, листоедов, на пиломатериалы слетались разнообразные жуки-усачи, другие их виды копошились в цветках. На берегу Амура для науки были добыты многочисленные мелкие жужелицы и стафилины, в том числе новые виды. Замечателен факт, установленный Бодо. Обнаружив, что среди типично дальневосточных жуков [сибирских в его понимании], которые и в самом деле были здесь очень многочисленны, также встречается немало центрально-европейских видов, он доказал, таким образом, что фауна жесткокрылых, безусловно, относится к Палеарктике. Но в целом, согласно его подсчетам, сибирская

фауна значительно богаче по видовому составу и количеству особей, чем вся центрально-европейская фауна жуков. Энтомолог и его способные помощники собирали также многочисленных чешуекрылых. Соотношение собственно дальневосточных видов бабочек к общим с европейской фауной было почти таким же, как у жесткокрылых.

Переpravляясь за Амур (вполне законно, всегда проходя таможенную проверку), он также предпринял несколько экскурсий на маньчжурской стороне, поднимался на плосковершинный хребет «Tupi-Wotsi» (ок. 500 м), возвышающийся напротив Радде и Помпеевки. Там оказался исключительно интересный район с горными болотами на горячих источниках. Благодаря аномально жаркому лету (до + 50°C) они были доступны лишь в 1912 г., когда там все сильно пересохло. Бодо договорился с тамошними жителями (маньчжуры названы у него «орочёнами»), которые за деньги тоже стали его сборщиками-поставщиками энтомологических коллекций. Отсюда он получил богатые, очень интересные сборы. Само место у него на этикетках обозначено как «Восточная Сибирь», «Chitaizki-Sterena» («китайская сторона»), и сейчас территориально относится к китайской провинции Хэйлунцзян (Heilongjiang). Европейские колеоптерологи, имевшие дело с материалами отсюда, были вынуждены признать несовместимость этих понятий, хотя раньше делались попытки читать «Chitaizki-Sterena» как «Читинская область» (Bodemeyer, 1915a; Zerche, 2003; Smetana, 2009). Один из немногих российских колеоптерологов, который пользовался книгой Б. фон Бодемейера [1928], был Н.Н. Плавильщиков. При подготовке монографии по жукам-усачам для «Фауны СССР», он обнаружил путаницу: указанные в ней для Амурса *Pilemia hirsutula* Froel., *Coptosia albobittigera* Heyd. и *Leptura incisipennis* Reitt. относились к малоазиатской фауне (Plavilstshikov, 1931). Впрочем, такое случается в практике коллекционирования, особенно если материал массовый.

Бодемейер-младший всегда брал с собой на сборы двух сопровождающих: верного русского слугу и китайца. Иногда случалось, что на нормальный отдых ему не хватало времени, длительные энтомологические охоты были просто опасны, несколько раз приходилось смотреть в глаза смерти, встречаясь с тигром или хунхузами. Но он никогда не отказывался от своего трудного дела, поскольку всегда находил вдохновение в новых видах. В конце июля, когда денег на закупки, как он писал, у него оставалось еще достаточно, но нового попадалось с каждым днем всё меньше и меньше, знакомый капитан парохода советовал ему уезжать отсюда как можно скорее, так как в Маньчжурии начиналась эпидемия чумы. В ночь со 2 на 3 августа он не без сожаления отправился в обратный путь домой, увозя материалы, по его мнению, самой успешной среди всех амурской кампании по сбору насекомых. Конечно, в известной теперь нам работе Бодо имеется еще много такого, что было бы интересно узнать как энтомологам, так и просто дальневосточникам. Однако пересказывать его повествование дело заведомо неблагодарное из-за несомненного журналистского дара, присущего перу Бодемейера-младшего. В приложении мы даем лишь небольшую выдержку из нее и надеемся, что когда-нибудь ее полный перевод будет опубликован в нашей стране.

После возвращения на родину из последнего, персидского путешествия, во время войны его мобилизовали, и как научного работника откомандировали в г. Страсбург (провинция Эльзас), в бактериологическую лабораторию, где он служил ассистентом у немецких микробиологов-инфекционистов: профессора П. Уленгута (Uhlenhuth, Paul Theodor; 1870-1957) и доктора наук Ф. Куна (Kuhn, Philaethes; 1870-1937). Там он заразился и тяжело перенес какое-то опасное инфекционное заболевание, а вызванные им осложнения нанесли непоправимый вред здоровью молодого человека и сделали невозможными его дальнейшие путешествия. Впоследствии он занимался семейным бизнесом постоянно размещая в «Insektenbörse» рекламу о продаже энтомологического материала, писал о своих экспедициях, которые сделали его одним из видных немецких путешественников, а его легкий, юмористический способ изложения встречал всеобщую симпатию. В последние годы жизни он успел выпустить несколько чисто научных статей и воспоминания заслуженного энтомолога (Bodemeier, 1927a,b; 1928a,b,c,d).

Бодемейер-младший безвременно скончался в Берлине 27 декабря 1929 г. на 47 году жизни (Heikertinger, 1930). Большая часть его жизни пришлось на окончание классического периода энтомологических исследований в отдаленных странах. В основе успеха лежала его сильная личность, увлеченность и целеустремленность, обогатившая музейные коллекции превосходным материалом. Он всегда понимал энтомологическую работу как реальное содержание своей жизни, но Первая мировая война разрушила его здоровье и карьеру, лишила социальных привилегий и богатства. Память о славном семействе путешественников-энтомологов, действительных членов нескольких немецких и Аргентинского энтомологических обществ должна сохраниться в веках. Гарантией этого пусть послужат такие нередкие в энтомологической систематике эпитеты в названиях таксонов, как «*bodemeyeri*» и «*bodoanus*».

ЛИТЕРАТУРА

Гильденков М. Ю. 2016. Новые для России стафилиниды подсемейства Oxytelinae (Coleoptera: Staphilinidae) с замечаниями по синонимии *Coprophilus sibiricus*. *Дальневосточный энтомолог*. 307: 17–20.

Куберская О.В., Новомодный Е.В. 2019. История энтомологических исследований в Комсомольском заповеднике. *Чтения памяти Алексея Ивановича Куренцова. Вып. 30.* Владивосток: Дальнаука. С. 39–50.

Лелей А.С., Локтионов В.М., Прощалькин М.Ю., Шабалин С.А. 2011. Указатель латинских названий насекомых. *Определитель насекомых Дальнего Востока России. Дополнительный том. Анализ фауны и обций указатель названий.* Владивосток: Дальнаука. 197–549.

Новомодный Е.В. 2018. Иностранцы военнопленные Первой мировой войны в роли исследователей природы Дальнего Востока. *Девятые Гродековские чтения. Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвящённой 100-летию начала Гражданской войны в России «Дальний Восток России на переломе эпох». 17-22 апреля 2018 г. г. Хабаровск. Т. 1.* Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова. С. 78–86.

- Bernhauer M. 1914.** Neue Staphyliniden der paläarktischen Fauna. *Coleopterologische Rundschau*, 3(4): 65–68.
- Bodemeyer B., von. 1927a.** Eine neue *Morphocarabus*-Rasse aus Ungarn. *Morphocarabus Scheidleri-pannonicus* var. *Gebhardtii* Bodemeyer. *Entomologischer Anzeiger* (Wien), 7: 75.
- Bodemeyer B., von. 1927b.** Eine neue *Nebria* aus dem Elbursgebiet Nord-Persiens. *Entomologischer Anzeiger* (Wien), 7: 178–180.
- Bodemeyer B., von. [1928].** Ueber meine Entomologischen Reisen nach Kleinasien (1911), Ost-Sibirien, Schilka und Amur (1912), Tunis, Oasis Gafsa, Khroumerie (1913) und Iran, das Elbursgebirge (1914). Bd. 2: Ost-Sibirien, Schilka und Amur. Stuttgart: Alfred Kern Verlag. 90 p.
- Bodemeyer B., von. 1928a.** Erinnerungen an Herrn Dr. Paul Born-Moser, Herzogenbuchsee, Schweiz. *Entomologischer Anzeiger* (Wien), 8: 117–120, 129–132, 137–140, 149–151, 157–160.
- Bodemeyer B., von. 1928b.** Zwei neue Varietäten von *Plectes Reitteri* Retowski W. 1885. 3. T. 115. *Entomologischer Anzeiger* (Wien), 8: 161.
- Bodemeyer B., von. 1928c.** Beitrag zur Verbreitung der "Carabus-Arten" Silesia, Charlottenburg. *Entomologischer Anzeiger* (Wien), 8: 169–173.
- Bodemeyer B., von. 1928d.** Beitrag zur Deutschstämmigen Carabenfauna. *Entomologischer Anzeiger* (Wien), 8: 193.
- Bodemeyer B., von. 1928e.** Zum 10. Todestage: Eduard v. Bodemeyer, Kgl. preuß. Hauptmann a. D., 21. November 1918. *Entomologischen Zeitschrift* (Frankfurt am Main). 42(16): 197–198.
- Bodemeyer E., von. 1900.** *Quer durch Klein-Asien in den Bulghar-Dagh. Eine naturwissenschaftliche Studien-Reise.* Emmendingen: Die Druck- und Verlags- Aktien-Gesellschaft Vormals Dölter. 169 p.
- Bodemeyer E., von. 1906.** Beiträge zur Käferfauna von Klein-Asien. *Deutsche Entomologische Zeitschrift*. 2: 417–434.
- Bodemeyer E., von. 1915a.** Beiträge zur Feststellung von Verbreitungsdaten paläarktischer Coleopteren. *Deutsche Entomologische Zeitschrift* (Berliner Entomologische Zeitschrift und Deutsche Entomologische Zeitschrift in Vereinigung). 7: 437–453.
- Bodemeyer E., von. 1915b.** *Procerus scabrosus* und Varietäten. *Deutsche Entomologische Zeitschrift* (Berliner Entomologische Zeitschrift und Deutsche Entomologische Zeitschrift in Vereinigung). 7: 570–572.
- Bodemeyer-Heinrichau E. 1881** Coleopterologische Ergebnisse einer Excursion nach Süd-Ungarn im Mai 1880. *Entomologische Nachrichten herausgegeben von Dr. F. Katter in Putbus*. 7(17): 245–253, 257–271.
- Döbler H. 1982.** Katalog der in den Sammlungen der Abteilung Taxonomie der Insekten des Institutes für Pflanzenschutzforschung, Bereich Eberswalde (ehemals Deutsches Entomologisches Institut) aufbewahrten Typen – XX. (Coleoptera: Lycidae, Lampyridae, Cantharidae, Phengodidae, Drilidae, Malachiidae, Karumiidae, Dasytidae, Melyridae, Cleridae, Lymexylonidae, Derodontidae). *Beiträge zur Entomologie*, Berlin 32(2): 393–435.
- Heikertinger F. 1930.** [Nachruf]. Bodo v. Bodemeyer. *Koleopterologische Rundschau vereinigt mit der Wiener Entomologischen Zeitung*. 16: 33.
- Horn W., Kahle I., Friese G., Gaedike R. 1990.** *Collectiones entomologicae: Ein Kompendium über den Verbleib entomologischer Sammlungen der Welt bis 1960. Teil 1. A bis K; Teil 2. L bis Z.* Berlin: Akad. Landwirtschaftswiss. der DDR. 220 p. + 221–573 p.

Kolbe H. 1929. [Referat]. B. von Bodemeyer. Ueber meine Entomologischen Reisen nach Kleinasien (1911), Ost-Sibirien, Schilka und Amur (1912), Tunis, Oasis Gafsa, Khroumerie (1913) und Iran, das Elbursgebirge (1914). Bd. 2: Ost-Sibirien, Schilka und Amur. Stuttgart. (1928). *Deutsche Entomologische Zeitschrift (Berliner Entomologische Zeitschrift und Deutsche Entomologische Zeitschrift in Vereinigung)*. 154–155.

Marwinski F. 1974. Aus der Arbeit der Bibliothek des ehemaligen Deutschen Entomologischen Institutes: Nachlässe und Konvolute. *Beiträge zur Entomologie* 24(5/8): 349–382.

Meissener O. 1930. [Todesanzeige]. Am 27. XII. 1929 starb im 47. Lebensjahre der Forschungsreisende und Entomologe (vornehmlich Koleopterologe) Bodo von Bodemeyer — der Letzte seines Stammes. *Entomologischen Zeitschrift* (Frankfurt am Main). 43(21): 255.

Plavilstshikov N.N. 1931. Beitrag zur Verbreitung der palaearktischen Cerambyciden. II. *Entomologisches Nachrichtenblatt*. 5(3): 71–76.

Reitter E. 1918. Notizen. [Eduard von Bodemeyer]. *Wiener Entomologische Zeitung*. 37: 214.

Schnell W. 1930. [Todesanzeige]. In Berlin verschied das Mitglied unseres Vorstandes, der Entomologe und Forschungsreisende Bodo von Bodemeyer. *Entomologischer Anzeiger* (Wien), 10: 41–42.

Schillhammer H. 2000. New species and records of Oriental and East Palaearctic *Gabrius* Stephens, 1829 (Insecta: Coleoptera: Staphylinidae). *Annalen des Naturhistorischen Museums in Wien. Serie B Botanik und Zoologie*. 102B: 117–142.

Smetana A. 2009. Contributions to the knowledge of the “Staphylinus-complex” (Coleoptera: Staphylinidae: Staphylinini) of China. Part 21. The genus *Ocypus* Leach, 1819, subgenus *Pseudocypus* Mulsant & Rey, 1876. *Zootaxa*. 2286: 1–30.

Troelstra A.S. 2016. *Bibliography of natural history travel narratives*. Zeist: KNNV Publishing. 482 p.

Zerche L. 2003. Arten der *Hygrogeus*-Gruppe aus dem Fernen Osten Russlands, aus Japan und China (Coleoptera, Staphylinidae, Omaliinae, Anthophagini) (Beiträge zur Kenntnis ostpaläarktischer Insekten; 13). *Beiträge zur Entomologie, Keltern*. 53(2): 277–295.

Бодо фон Бодемейер о приезде и первых днях пребывания в с. Раде (из: Bodemeyer, [1928], S. 17-26).

Перевод и примечания Е.В. Новомодного.

Благовещенск. Столица Амурской области тогда выглядела так: дома в основном все деревянные, только банки построены из камня; а китайские кварталы были уродливы и малопривлекательны. Но прекрасный вид с набережной на могучий Амур, шириной здесь почти 1800 м, на Маньчжурию с ее мощными сельскохозяйственными насаждениями давал повод задуматься. Собственно, среди русского высшего общества здесь преобладали немцы. Во всех аптеках, банках, а также в универмаге «Кунст и Альберс» почти каждый второй купеческий приказчик говорил по-немецки! Весьма интересен был рынок, которым владели в основном китайские торговцы, которых непременно всех необходимо причислить к богатым людям, причем к самым богатым. Чем торговали? Всем: начиная от акульего плавника до приготовленного тухлого яйца, от клубня орхидеи до пантов благородного оленя, которые должны были придать обоим любownikам особую энергию, до поющего живого сибирского жаворонка, который часто торговался по 100 р. за штуку, до китайских шелковых халатов, европейских мануфак-

турных товаров, вплоть до опиума. Полиция была бессильна против распространения последнего, так как чиновники защищали крупнейших торговцев, ведь те давали за молчание больше всех денег. Я дешево купил один экземпляр рогов местного благородного оленя < ... >.

В 6 часов утра 19 мая мы тронулись дальше. Пароход медленно шел в лучах утреннего солнца, местность была залита светом, луга только начинали зеленеть. Бесчисленные стаи водоплавающих птиц двигались впереди нас, это были в основном гуси, которые мигрировали куда-то к своим местам гнездования. Берега стали ровнее, справа и слева расстилалась бесконечная тундра [тут: «безлесная равнина»]. Во время коротких остановок сдавали и принимали почту. Наступил полдень, и я усердно фотографировал пейзажи. Появился капитан и любезно предложил перейти в первый класс, так как отсюда все будет лучше видно. Ко мне присоединился довольно навязчивый господин, которого я считал купцом, так как он безукоризненно владел немецким языком. Оказалось, что его жена чувствовала себя не в своей тарелке, и он просил осмотреть нее. Так мне вполне хватило впечатлений от моего предыдущего врачебного опыта [еще до Благовещенска, когда пассажиры узнали, что у него имеется аптечка, спирт, шприцы, склянки, они заставили его лечить температурающих детей], то я отказался. Но он так настаивал, что я, в конце концов, пошел за ним. Его жену слегка знобило, к тому же она страдала от запоров. Две таблетки пургена, немного аспирина, это было все, что я мог и хотел ей предложить. Странно, но мне сопутствовал блестящий успех: уже к вечеру недомогание прошло. Наградой стало приглашение на ужин и обещание супруга, что он окажет мне помощь в станице Раддевской (Радде), где мне выходить. На следующий день мы прибыли в с. Пашково с железнодорожными мастерскими, созданными для строительства Амурской железной дороги. Здесь жизнь била ключом и крутились большие деньги. Были построены бесчисленные деревянные дома, казармы, кабаки, гостиницы с женским обществом, которое, по-видимому, здесь неизбежно. Через 2 часа пароход пошел дальше, и к вечеру мы должны быть на месте.

Слева, как и справа, на берегах начали вырисовываться красиво залесенные горы. Амур сделал неожиданно крутой поворот, рука русского указала на горную цепь на маньчжурской стороне: «это окончание Хинганского хребта, а там, слева, находится Раддевская, лежащая у подножия Буреинских гор, простирающихся далеко вглубь» [российской территории]. Добрых 18 верст (1 верста = 1067 м) еще отделяли меня от того места, где я намеревался провести свои исследования. Пароход шел полным ходом, река здесь должно быть была очень глубокой, потому что голос лоцмана звучал редко: «Schest» (6 м), или «Pijatj palawino (5,5 м)» [автор записывал русские слова на слух и впоследствии использовал их в книге]. По изящной дуге он прошел мимо места, которое из-за света керосиновой лампы впоследствии часто служило нам ориентиром в ночи [бакена с фонарем – плавучего знака навигации]. Широко развернувшись, пароход повернул налево, к пристани. Множество людей толпились на берегу. Такого никогда еще не встречалось мне в этом путешествии. Но мой приятель с парохода пропал. Несколько раз раздался вой паровой сирены, мы все ближе подходили к берегу. Мой багаж был готов к выгрузке, заходящее солнце живописно освещало празднично разодетую толпу. Мне стало немного не по себе, явно не хватало того человека с обещаниями. Зазвенела якорная цепь, и вот тут объявился мой попутчик, оказавшийся вице-губернатором амурских провинций! [В это время должность занимал д.с.с. Николай Владимирович Мономахов (1863–1937)].

Да, нужно признать, что мне очень и очень повезло. Он первым покинул судно, и перед ним в приветствии благоговели все: почтмейстер, таможенник, священник и атаман. Русские слова, смысла которых я не понимал, так и сыпались на меня, а рядом с

почтой мне бесплатно отвели небольшой домик. Казаков в помощь приведут ко мне завтра. Благодетель потом будет справляться о моем местонахождении, и если мне что-нибудь понадобится, нужно официально звонить «в Губернию, в Хабаровск». Кто мог быть счастливее меня? Крепкая крыша над головой, рядом со мной почта, где всю ночь спят [дежурят] шесть человек, хорошо вооруженных; огромный сад; в самом доме - старый диван, печка, подвал. Сирена парохода завывала все настойчивее, и мы дружески попрощались. Теперь полностью полагаться можно было лишь на себя самого. Я лег [спать] в одежде и проснулся вместе с восходом солнца.

Станица Раддевская, для краткости называемая Радде, находится практически в самой южной [географической] точке Амура, который, имея протяженность 4350 км, и ширину часто более 2 км, является одним из величайших водотоков Земли. Сверкающее солнце висело над деревней, через которую вела широкая дорога, по которой я совершил небольшую утреннюю прогулку. К рано встающим ее жители не относились: была открыта только большая лавка, принадлежавшая китайцам; здесь продавался чай, американские мясные консервы, а также довольно хорошая китайская консервированная рыба. Цены были высокими. Я был смущен этим обстоятельством, так как хотел остаться здесь надолго. Но фактически, при частых покупках мне была предоставлена скидка в 25%. Между тем было 8 часов утра, и шустрый юноша повел меня к атаману, казачьему гетману. Он уже ожидал меня. Мой вид на жительство [полученный в Благовещенске] был проверен и проштампован. Он позвал к себе довольно много казаков, которые казались ему пригодными для оказания мне услуг.

Мой выбор пал на светловолосого, голубоглазого мужчину моего возраста, который произвел на меня самое лучшее впечатление. Его звали Николай Александрович Харин [отчество установлено по находящемуся в архиве Немецкого энтомологического института письму (см. Marwinski, 1974)]. Впоследствии он показал себя надежным и честным человеком. Вообще говоря, казаки гораздо лучше, чем их репутация, которая распространена о них у нас [в Германии]. Я никогда не пожалел об этом выборе. Если мне нужна была дополнительная помощь, то у него всегда были на примете преданные люди, хранящие верность во всех случаях. Когда по своей инициативе я предложил ему за хорошую службу жалование в 30 рублей, меня объявили барином. Он тут же взялся за распаковку вещей, в стены были набиты гвозди, на которых мы развесили костюмы, соорудил стеллажи для коллекторских склянок. Он легко схватывал идею, все делал мастерски; через два часа вещи были уложены по местам. Я снял с гвоздя старый, хорошо сохранившийся костюм и подарил ему. Его радость не знала границ, он быстро переоделся. О человеческое тщеславие – он выпросил полчаса отлучки, чтобы в таком виде представиться жене. Уже через двадцать минут он вернулся с хорошенькой, стройной, доброй женщиной, которая хотела целовать мне руки, согласно очень мало мне симпатичного русского обычая. И как это совсем уже гордые казаки не могут отречься от прежней своей несвободы? Было приведено в порядок его снаряжение сборщика, а вскоре – срезаны ручки для сачков. После короткого часового перекуса я собирался начать нашу первую рекогносцировку. Но тут женщина рассмеялась: «Вы что, собираетесь в хорошем костюме лезть в наши леса»? На его казачьей куртке [бешмете (прообразе гимнастерки)] не было карманов для коллекционных банок, это и имела в виду женщина. Но ничего, штаны пришлось отдать, жилетку и куртку – оставила; завтра она нашьет ему достаточно карманов. Смеясь, я подчинился. Вечером она представила свою работу. Изнутри и снаружи куртка была вся обшита карманами.

Спускаясь вдоль Амура, мы вышли на проезжую дорогу, от которой свернули налево, в лес. Богатство лиственных и хвойных пород деревьев было внушительным, да и жуков здесь должно было быть в изобилии. Среди камней и под упавшим деревом

вообще не было никакой жизни, я засунул туда руку – как будто положил в ледник. С другой стороны, в воздухе уже летали жуки-шелкуны, стремившиеся к первым бутонам. *Corymbites Boeberi* var. *testaceipennis* Duft., *alternatus* Heyd., *Lacon binodulus* Motsch. в виде практически свежих экземпляров открыли сезон. *Melanotus conicollis* Rtt. – первая новинка, *Camphylus linearis* Germ., *Paralacon cinnanomium* Candez, *Cardiophorus vulgaris* Motsch., которых там было предостаточно, сгладили общее разочарование. Перевернули ствол упавшего дуба. Ура! – под ним лежали верхние крылья *Coptolabrus smaragdinus*; теперь, благодаря этой вещи, я получил уверенность, что сумею поймать здесь этих самых славных жужелиц. Свернув в сосновый лес [кедровник], вышли на небольшую полянку с большим количеством камней. И вот, смотрите, гусеницы аполлона, известного как *Parnassius Bremeri* Gebl. [аполлон Бремера]; поскольку кормовое растение было еще совсем недоразвитым, я взял с собой всего несколько штук. Потом мы повернули к ручью, берега которого заросли дремучими непроходимыми лесными зарослями. Поздней осенью, во время первых морозов, в торговле мехами здесь популярна сибирская белка – она желанная добыча. Охотник на месте получает за шкурку 75 коп. (1,5 марки). Если год на кедровый орех выдался хороший, то белка приходит в массу, и у людей хорошие заработки. Семьям надолго хватает денег, о приработке никто не заботится. К счастью, прошедшая зима была плохим годом, так что у меня было достаточно коллекционеров. С заходом солнца мы вернулись домой. Жена Харина была старательной, она везде развесила транспаранты с моим объявлением, написанным китайской тушью, которые я в большом количестве сшил во время зимовки в Сретенске. Даже в ведомственных конторах они были, что обошлось мне в 2 руб. [марок] гербового сбора.

Так как люди думали, что я тронулся умом, вечером меня посетили только сыновья священника. Но они были умнее своих соотечественников, и предложили свои услуги; они хотели научиться [этому делу]. Я умел содержать и разводить жуков и бабочек, которых они собирались поймать, поэтому согласился потренировать их. Амур был известен как очень богатая рыбой река; когда мы с Хариним, каждый вооружился удочкой, за час наловили довольно много рыбы, я намеревался использовать ее в качестве приманки. <...>. Так прошло 21 мая, мой первый день в Радде. Хотя началось все с незначительных успехов, проведенная тогда разведка дала мне уверенность в том, что в этом районе я добыю многого. Харину на следующее утро был назначен подъем в пять часов. На этот раз нам предстояло сделать большой крюк, чтобы обследовать район, лежащий по левому берегу Амура – выше по течению.

Едва я заснул, как и в моем жилище наступила довольно неприятное оживление. Клобы решили утолить голод, первый раз попробовав моей крови. Завернувшись в несколько одеял, я лег на лавку. Хотя мне и было немного неудобно, я сохранял спокойствие. Напрасно ожидал я Харина к пяти часам утра, которому разрешал спать дома, хотя атаман требовал, чтобы он ночевал у меня в сенях. С бутылкой молока он явился только в 6 часов, и был смущен этим, так как ничего подобного раньше не делал. Мой завтрак теперь постоянно состоял из хлеба и молока, иногда порции яичницы. Харин принес с собой чайник и хлеб, бутылку водки вместе с какими-то консервами, которые довершили наш провиант. Через деревню мы прошли по мосту, который был перекинут через Первую (горную) речку; по нему вышли на луг длиной примерно с километр, который в конце концов сужался в две долины. Кучки навоза предопределили наш обратный путь по этой поляне, так как в теплый день в коровьих лепешках наверняка найдется много добычи. Убегал вдаль текущий параллельно нашему направлению весело журчащий ручей; за ночь ольха покрылась листвой, на которой сидели первые *Cryptocephalus Mannerheimi* Gebl., *ochroloma* Gebl. var.

subimmaculatus Pic., *Raddei* Gebl., наряду с длинноносым слоником *Apoderus longiceps* Sols., а также его родственниками: *coloratus* Fst., *ruficollis* Fst., *rubidus* Fst., *carbonicolor* Fst.; они как истинные знатоки занимались откладкой яиц в распускающиеся бутоны. Пролетевший мимо самец бабочки-лимонницы *Gonepteryx aspasia* скоро найдет себе пару для компании. Нигде не видно ни одного цветка, только ивовые сережки осыпают нас желтой пылью там, где мы должны через них пролезать. Вокруг по веткам карабкаются *Melasoma daurica* Motsch., *Gastrolina peltoides* Gebl., *thoracica* Bathes. Но безжизнен, вымер лес; не раздается птичье пение, в полдень становится душно.

Мы встали лагерем на тундровидном [«Tundra-artigen» – безлесном и сыром?] лугу. Харин готовил чай, открывал консервную банку, и я заметил между примятыми пучками травы *Blethisa aurata* Esch., а при дальнейших поисках – *Elaphrus dauricus* Motsch. и *Platyderus depressus* Gebl. Здесь в первый раз почвенное сито было пушено в ход: кочки были вырваны, сито заполнено, там оказалось много всего, это была мокрая работа, которую я потом передал Харину, чтобы немного перекусить. Затем то место, где жуки пытались закопаться, было просеяно вновь. Лежащее на берегу ручья бревно, освещенное солнцем, показалось мне заманчивым; оно было перевернуто, а под ним пойманы два экземпляра *Hemicarabus tuberculatus* Gbl., который впоследствии попался нам часто. Он стал первым из тридцати пяти видов и разновидностей всех собранных жужелиц! Песчаная почва на более высоко расположенном месте также была просеяна и дала другие виды, в основном *Asaphidion nubifer* Moraw. и *Bembidion hirmocoelum* Chd. = [синоним] *parvicolle* Sahlberg, хороший вид, как сейчас меня любезно поправил господин профессор Ф. Нетолицкий [Netolitzky, Fritz; 1875–1945].

Плотно упакованные сборами, мы направились домой, все время постукивая ветви над развернутым тканевым щитом [зонтиком], то и дело высматривая собранных накануне щелкунов, которых Харин теперь хорошо знал, и ловил их в массу. Едва мы добрались до места начала нашего тура, как начался мелкий дождь. Казак побежал к своему жилищу, чтобы тотчас вернуться, держа наготове зонтик. Теперь здесь была просеяна каждая коровья лепешка с находящейся под ней землей. Сборы принесли домой. Когда я пришел, то несмотря на патентованный водонепроницаемый плащ, оказался мокрым насквозь, до кожи. Топили очаг, по старинке натягивали сито на ивовые прутья, надевали сухую одежду, развешивали все для просушки. Мисс Харина купила мне хороший борщ на полуденном пароходе; сытый и согретый, я ждал вечернюю биржу [речь идет о проведении торгов с местными жителями по закупке собранных ими насекомых], которая, впрочем, в этот день так и не состоялась. Тогда мы порыбачили на Амуре. Тяжелый окунь, которого казаки называют просто: «рыба», около трех фунтов попался на мою удочку; пришлось приложить немало усилий, чтобы его вытащить. Харин назвал его «dobroï», достал толстый шнур и посадил его на кулан, который прикрепил к дереву. Привязанную рыбу отпустил в воду, а своим ножом вырезал на дереве именную метку. В дальнейшем мы поступали так с большинством пойманной рыбы. Медленно стихал дождь, завтрашний день обещал быть прекрасным. Лес заметно подрос, и даже трава за эти два дня от земли поднялась на высоту руки. Этот дождь способствовал шагу вперед в развитии природы, был своевременным. Грядущие 23 мая успехи коллекционеров должны были подтвердить этот факт. Все деревья покрылись листвой, в горах зацвели большие белые анемоны [ветреницы], земля буквально благоухала, чтобы жизнь стала растениям в радость.

Было прохладно, когда Харин зашел за мной [на следующее утро]. Так как всегда можно было ожидать сюрпризов, мне приходилось брать с собой все принадлежности для сбора насекомых. Конечно, охотничий нож и пистолет системы «Браунинг» тоже были необходимы. Каждый нес свое оборудование, а Харин также запасное на случай

чрезвычайных ситуаций. Мы медленно шагали по улице, двигаясь вниз по направлению течения [Амура]. Все было мокро, под стволом дерева я поймал первую добычу: *Pterostichus confluens*, за которым вскоре последовал еще целый ряд таких же. Мы снова и снова осторожно возвращали отвернутые бревна на свои старые места, чтобы укрытия не были уничтожены. Часто я наблюдал, что как раз под такими гнилыми деревьями встречалось большинство жужелиц, так что это были правильно поставленные ловушки на жуков. Все дальше и дальше углублялись мы в лес, и попали на небольшой, тихий пруд, где летали первые экземпляры *Papilio xuthus* L. [парусника ксута]. Сачки – наизготовку! Чем жарче палило солнце, тем чаще они садились на грязь, чтобы попить. Мы собрали за короткое время больше двадцати безупречных экземпляров; Харин научился быстро укладывать их в пакеты, что было очень важно для меня. К десяти часам лет бабочек прекратился, пришло время обследовать болотце: *Graphoderes ornatus* Нор., вместе с var. *feminin* ? *Rosenbergi* Sdl., *Ilybius limbatus* Shrp. были здесь единственными водяными жуками. Быстро вскипятив и напившись чая, я повернул в глубину чащи леса, но везде меня ждал абсолютно отрицательный результат. Вдруг Харин заявил мне, что сюда он больше без винтовки не пойдет. «Здесь встречается тигр, убийца людей». Внутренне посмеявшись, я поперхнулся, когда вдруг увидел какая серьезность была в его глазах, и решил обязательно получить на сей счет разъяснения у говорящего на немецком языке помощника почтмейстера.

Обратный путь с незначительными результатами меня тоже не удовлетворил; и на будущее я решил собирать больше на опушках леса, где есть свет и солнце. Иногда я все-таки делал попытки чего-либо добыть в глубине чащи, но всегда с довольно незначительными успехами. Лесные пустоши и окраины, куда может пробиться луч солнца – для находок жуков в Сибири – лучшие места. «Иди в Сибирь встреч солнца, тогда обретешь [счастье]». По возвращении домой барометр показывал большие перемены, предгрозовую атмосферу; поэтому Харин сразу же был отпущен домой, чтобы на следующее утро вовремя быть на месте. Я пошел на почту, чтобы отослать несколько заказных писем, и побеседовал с чиновником; у него волосы встали дыбом, когда я рассказал ему, где мы были. «Это большое легкомыслие с вашей стороны, ваши жизни были поставлены под угрозу; наши лучшие следопыты всю зиму охотились на него, чтобы, в конце концов, стать настоящими охотниками». С долей недоверия отнесся я к этому предупреждению, но, тем не менее, решил быть в будущем более осторожным. После чашки чая я попрощался с любезным Вернером. С шести до девяти часов вечера [над Радде] бушевала страшная гроза, но днем 24 мая стояла великолепная погода. Весна на Амуре была в полном разгаре. Всюду распускались и цвели, но не пахли, разнообразные представители флоры. Впрочем, об этом позже.

О коллекционировании в промокшей растительности пока нечего было и думать. Утреннее время было использовано для того, чтобы наконец-то создать систему ловушек с приманками, которые были для нас новым делом. В первую очередь мы начали их ставить в кедровом лесу за деревней; а в качестве приманки использовали около двух десятков рыбьих тушек, двух раздавленных примерно метровых змей, пару битых голубей, а также тело умершей собаки. Чтобы вырыть полуметровые ямы, по одной через каждые 200 м, были наняты два китайца; сначала в них укладывали только что заготовленные свежие листья или траву, а затем прятали в подстилку либо рыбу, либо змею, либо голубя или кусок мяса собаки [не смешивая]. Для безопасности они прикрывались толстыми палками или камнями, если последние находились под рукой. За три часа мы оборудовали примерно двадцать пять ям, некоторые из них получились глубже, и поэтому их нужно было пометить особо, чтобы случайно не переломать ноги. Это перестарались «chodias» [«ходя» или «ходя-ходя» – так в нач. XX в. русские назы-

вали китайцев за частое повторение слова «хаоди» («ладно-ладно», «согласен»). И вот мы снова отправляемся в сторону [соседнего казачьего пос.] Помпеевки. Дорога туда такова, что вначале она примерно на 6 верст уходит глубоко в лес, но потом упирается в заросли, через которые путь указывают только телеграфные столбы. Со стороны Помпеевки в лес ведет точно такая же красивая дорога длиной около 6 верст, заканчивающаяся кустами по линии связи. [Расстояние между ними 44 км]. <...>.

На расчищенной дороге в большом числе летали *Cicindela gemmata* Feld. и *Raddei* Motsch., которых за 2-3 часа работы удалось взять несколько сотен; здесь мы убедились, как быстро может закончить летать очередное поколение этих животных. Один пойманный экземпляр *Cicindela vitiosa* Heyd. так и остался единственным за все время, несмотря на то, что китайцы на следующий день снова собрали здесь много жуков-скакунов. Мы свернули с дороги в березово-дубовый лес, на вырубку. Большинство деревьев было срублено зимой. Сбор жуков на этом месте обещал быть сверхъестественным. *Plagionotus Christophi* бегал по стволам дубов, мы находили его во множестве. Но в почве, удобренной вытекающим соком дубов и берез, взяв на вооружение почвенное сито, я обнаружил большой выбор новых видов, который, вероятно, никто снова не сумеет получить так же легко [как я]. Все шесть сит-мешков были переполнены, когда я возвращался домой. 25 мая, а также в праздничный день 26 мая были днями отдыха. Вечером я нанял четырех китайцев, с которыми во время четырехчасовой ночной работы занялся разбором копрофагов, потому что Харину я уже ничего не мог приказывать, такой усталый и измученный он был. Последующее изучение данного материала показало следующие виды: *Saprinus nitidulus* F., *Caccobius Koltzei* Rtt., *Christophi* Har. (новый), *amurensis* Rtt. Из жуков-навозничков я перечисляю только самые заметные виды, так как весь список занял бы половину печатной страницы: *Aphodius antiquus* Fald., *Solskyi* Har., var. *biformis* Rtt., *ochripennis* Rtt., *tristis* var. *rufulus* Muls.

Но даже среди жуков-калофагов (*Onthophagus*) было обнаружено много ценных экземпляров: *Onthophagus Haroldi* Rtt., *jessoniensis* Motsch., *maki* Ill., *mandarinus* Harold., *nocturnus* Rtt., var. *deletus* Rtt., *d'Orbignyi* d'Orb., *transcaspicus* Koenig., *truchmenus* K., *viduus* Heer, *uniformis* Heyd.: несомненный успех для весеннего дня. Большинство видов постоянно встречались почти все время, но бывали случаи, когда я больше никогда их не находил. Под старой тряпкой я обнаружил редкого *Trox opacotuberculatus* Motsch. Поэтому вскоре в большом количестве были разложена гниющая одежда и тряпки, которые, помимо жуков, также привлекли множество видов бабочек. Из числа коротконадкрылых жуков (*Staphylinus*) встретились *Aleochara lygaea* Kr., *opacicollis* Bernh., *Zyrus sibiricus* Bernh., *parvipennis* Bernh., *Bledius Poppiusi* Bernh., *Philonthus communis* Motsch. Это стало совершенной новостью для науки. На дружеской почтовой открытке 10 Июня 1926 г. доктор М. Бернхауер [Bernhauer, Max; 1866–1946] так писал мне: «А что касается Вашего навыка коллекционирования, я могу подтвердить, что Вы являетесь одним из самых успешных и находчивых сборщиков, с которыми я имел дело за время учебных занятий». И это сказано стариком.

Сидя на мешках со сборами, пока снаружи лил дождь, я проспал почти четыре часа. Это была запрограммированная [полезная] непогода, позволившая мне сделать много очень срочной работы: сидя под крышей справиться с сортировкой всего, что было ранее собрано. Примерно в шесть часов утра явились Харин и китайцы, везде были разложены большие листы картона – на них шла сортировка материала. Около 4 часов дня все мешки были пусты, только нескольким жукам удалось сбежать, но они были пойманы снова на оконных стеклах с помощью эксгаустера [всасывательного аппарата]. Если бы у меня было штук шесть таких инструментов, как много времени и

денег было бы сэкономлено! Между тем, в пять часов установилась хорошая погода, и я еще немного побродил вдоль реки. Великолепный зеленый хвостыносец, первый в этом году *Papilio Raddei*, присел передо мной, но, взмахнув сачком, от волнения я промахнулся, и он исчез в верхушках деревьев. Было обидно, но куда не денешься.

В воскресенье, 26 мая был выходной, во время которого все препараты нужно упаковать. И теперь я приведу то, что было в сборах, за исключением упомянутого ранее: *Oxytelus Saulcyi* Pand., *hamatus* Fairm., *minulus* Sharp., *Atheta celata* Er., *villosa*, *sordida* Marsh., *Philonthus cephalicus* Bernh., *communis* Motsch., *depressipennis* Sharp., *frater* Bernh., *japonicus* Sharp., *Lederi* Epp., *nigrolineatus* Bernh., *gabrioides* Bernh., *cyanipennis* F., *Tachinus Bodemeyerianus* Bernh., *abdominalis*, *gelidus* Epp., *Ontholestes orientalis* Bernh., *Aleochara luteipennis* Epp., – все названные господином Бернхауэром виды были новыми. *Blithophaga sericea* Bai., *Heloba gemmata* Gebl. – весьма интересное существо, которое я нашел и в других условиях. *Cynanges Gorrhangii* Lew., *Corticaria illaesa* Mannh., *lapponica* Zett., *Migneauxia crassiusculus* Aub., *Platysoma deplanatum* Gyll., *Hister succicola* Mor., *unicolor* L., *bisulcatus* Rtt., *Saprinus nitidulus* Schrank., v. *14-striatus* Gyll., *Mycetophagus afer* Btt., *Bodoi* Btt., *Tschitscherini* Rtt., – сокращение «Rtt.» означает, что каждое из этих новых животных лишь недавно описал императорско-королевский советник Эдмунд Райттер [Reitter, Edmund, 1845–1920; знаменитый, непревзойденный по широте знаний австрийский колеоптеролог]. – Далее: *Atomaria horridula* Rtt., *semiobscura* Rtt., *perlata* Rtt., *Diaperis Lewisi* J., который, к сожалению, уникален (единственный экземпляр), *Novius limbatus* Motsch., *Dacne picta* Rtt., *Cyrtotriplax nipponensis* Jak., *sibiriensis* Rtt., *Lycoperdina Koltzei* Rtt., *Triplax elongata* var. nov. Rtt. in litt., встречался, наряду с основной формой *elongata* Lac., *Gonodera Rosinae* Rtt., обнаруженного госпожой Rosine Korb [Розиной Корб] из Мюнхена десятью годами ранее, *Carpophilus grandis* Motsch., *sibiricus* Rtt., *Bodoi* Rtt., *Ipedia variolosa* Rtt., *Tritoma elongata* Lec., во множестве вариаций, *Epuraea Motschulskyi* Rtt. (уникум), *quadrangula* Motsch., *neglecta* Heer, *deleta* nov. var. Rtt. Все они являются абсолютно безупречными свидетелями того, что восточносибирская фауна настолько близка к европейской, что приходится считать их одной и той же. *Omosita japonica* Rtt., *Cyllodes aterrimus* Rtt., *Cryptarcha Kapfereri* Rtt., по моему побуждению, последний назван так в честь дяди, Генриха Капферера [Kapferer, Heinrich] из Фрайбурга, оказавшего большую материальную поддержку при подготовке этого путешествия. Такой была ему моя благодарность.

EXPEDITION OF THE GERMAN ENTOMOLOGIST AND TRAVELER
BODO VON BODEMEYER TO THE AMUR REGION IN 1912

E.V. Novomodnyi¹, A.N. Streltsov²

¹ Khabarovsk Territorial Museum after N.I. Grodekov, Khabarovsk, Russia
E-mail: evgenov@mail.ru

² Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia
E-mail: streltsov@mail.ru

Authors of the publication share the information they have gathered about the origin and life path of the outstanding German traveler and coleopterist Bodo von Bodemeyer (1883–1929), an entomological collection merchant from Berlin. Having briefly described Bodemeyer's expeditions to different countries of the Palaearctic, the authors examine in more detail the half-forgotten expedition of 1912 to the Amur Region. Translated from German there is an excerpt from the description of this journey and its results. This allows the reader to appreciate the literary style of Bodo von Bodemeyer and the information contained in the book, which has not lost its scientific value.